К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЦЕРКОВНОГО ПРИСУТСТВИЯ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ: МИССИЯ ЕПИСКОПА КИРИЛЛА (НАУМОВА)*

И.Ю. Смирнова

После Крымской войны русско-иерусалимские отношений получили новое и чрезвычайно динамичное развитие. Условия Парижского мира предопределили новую стратегию восстановления влияния России на Православном Востоке и в первую очередь в Иерусалиме, который, по словам министра иностранных дел князя А. М. Горчакова, после Крымской войны стал «центральным пунктом не только всего Востока, но и Запада, на который устремлено внимание всей Европы»[1].

Принципиальная позиция министерства иностранных дел была выражена следующими словами: «Пока влияние наше было сильно, мы еще могли таить его, чтобы не возбудить зависти; а теперь, когда оно ослабело на Востоке - чего не скрывает Министерство от Вашего Императорского Величества - мы, напротив того, должны стараться хотя наружно выказывать его, чтобы не упасть во мнении православного населения, которое еще нам верит по старой памяти»[2]. Именно на это население, по преимущество арабское, невежественное, нищее, но все еще преданное России и надеявшееся на то, что она будет их освободительницей как от власти турок, так и от самих православных греков, и рассчитывала опереться российская империя в своем послевоенном ближневосточном курсе. В основу стратегической задачи было положено «укрепление местной Палестинской Церкви» (имеется в виду поддержка ее арабского элемента) и содействие примирению православных арабов и греков в Иерусалиме, так как их взаимная вражда ослабляла позицию Греческой Церкви на Востоке и напротив усиливала позиции католиков. Мир с греческой иерархией был необходим как залог единства Православных Церквей и, следовательно, как противовес инославному политическому и церковному влиянию, опора же на арабский народный элемент предполагала «расшатывание» изнутри Османской империи, ее ослабление и в конечном счете, как реванш России за проигрыш в Крымской войне, взятие Константинополя (эта цель никогда не упускалась из поля зрения российского правительства)[3]. «Мы должны примирить враждующих и поддерживать арабов, чтобы их не завлекли в унию благодеяния латинов»[4] - эти задачи были со всей определенностью поставлены в докладе нового министра иностранных дел князя А. М. Горчакова, сменившего канцлера графа К. В. Нессельроде в апреле 1856 г.

В 1856 г. было создано Российское общество пароходства и торговли, а вслед за этим был поставлен вопрос о возобновлении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, учреждении, уже получившем признание на Востоке до начала Крымской войны. Как докладывал Горчаков, «роль смиренных наблюдателей уже невозможна для нашей Миссии, нам не-

* Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 10-01-00532 а/п.

[1] Всрноподданнейший доклад вице-канцлера князя А.М. Горчакова «Проект преобразования Иерусалимской Духовной Миссии и инструкции начальника ее». С.-Петербург, 23 марта 1857 г. // Архив Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (далее - АРДМ). П. 1.Д. 1.Л.4-4об.

[2] Там же. Л. 3об.

[3] Американский исследователь В. Е. Моссе писал: «Россия, хотя ослабленная своими недавними усилиями и претерпевшая серию решительных военных и дипломатических поражений, после Крымской войны не прервала традиции своей внешней политики. Как в успешные дни недавно умершего императора, долговременной целью российской дипломатии оставалось изгнание Турции из Европы, установление креста на Святой Софии и последнее, но не менее важное, контроль над всеми важными проливами Черного моря и Средиземноморья. Поэтому как только был заключен мир в марте 1856 г., принципиальным предметом российской политики стало усиление империи для следующего раунда великой борьбы, которая должна была решить будущее Оттоманского государства» (Mosse W. E. Russia and the Levant. 1856-1862: Grand Duce Constanine Nicolaevich and the Russian Steam Navigation Company // The Journal of Modern History. The University of Chicago Press. 1954. P. 39).

"АРДМ.П. 1.Д. 1.Л.3.

обходима представительность на Востоке, разумеется, не политическая, а церковная, в которой нам не могут отказать ни турки, ни франки, имеющие своих патриархов и епископов в Святом Граде»[1]. Для большего впечатления на Востоке министр считал необходимым «во главе Миссии поставить епископа вместо архимандрита». По мнению МИД, это «произвело бы сильное, благодетельное впечатление не только в Иерусалиме, но и в Царьграде»[2].

Свой доклад князь Горчаков заключил словами, что «этот центральный духовный пункт сближения всех вероисповеданий слишком важен, чтобы можно было оставить его под общим направлением других, более обыкновенных вопросов на Востоке»[3].

23 марта 1857 г. доклад был утвержден императором Александром II. Турецкое правительство, в ответ на предложения русского посла в Константинополе, дало свое согласие на учреждение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и выдало письма на имя саидского генерал-губернатора Куршид Паши и Иерусалимского Патриарха Кирилла П. Этими документами «признавалось право нашей духовной миссии на самостоятельную деятельность» на условиях полного равенства при контактах с Иерусалимским Патриархом, без какой-либо зависимости от Святогробского братства. Все согласование с Патриархом Иерусалимским Кириллом II о возобновлении РДМ на его территории МИД взял на себя. В отношении к посланнику в Константинополе А. П. Бутеневу от 16 апреля 1857 г. министр выразил уверенность, что «Патриарх примет с тою искренностию и любовию нашу Духовную Миссию, какими запечатлены все его действия в отношении к нашему Августейшему Повелителю». Пользуясь случаем, князь А. М. Горчаков не мог не упомянуть и о давнем желании министерства видеть Патриарха в Иерусалиме и выражал надежду, что «его ближайшее и просвещенное участие в делах православия у самого источника его в Святом Граде принесло бы самые благоприятные плоды и, конечно, отстранило бы те интриги и беспорядки, которыми, к сожалению, ныне волнуется Православная Церковь в Иерусалиме»[4].

Для подготовки к приезду Духовной Миссии в Иерусалиме побывал бейрутский генконсул Мухин, который в отношении российскому посланнику в Константинополе А. П. Бутеневу охарактеризовал ситуацию в Иерусалиме следующим образом: «В последнее время многие правительства, а также многие люди показывают стремление к улучшению быта не только своих соотечественников, но и других христиан, посещающих Иерусалим, учреждением больниц и гостеприимных домов. Для сего приобретены уже в собственность достаточно участков земель за городом и строений в городе. Доселе Прусским консульством куплено три дома, из коих один для помещения консула, а другие для больницы под заведыванием диаконисе. Австрийское правительство устраивает гостеприимное учреждение в весьма больших размерах. Французы имеют свое заведение сестер милосердия, равно и англичане подобное учреждение. Даже евреи имеют больницу, содержимую на иждивение Ротшильда. Его одноверец Мантефиоре приобрел кусок земли близ Иерусалима за весьма высокую цену и предполагает выстроить странноприимный дом». В записке генконсула была выражена надежда, что «Россия не останется одна без богоугодного заведения во Св. Граде»[5]. Резолюция Александра II, ознакомившегося с запиской, гласила: «После всего, что делают прочие христианские исповедания, стыдно будет нам отставать от них. Июня 11 дня 1857 г.»[6].

Возобновленная в 1857 г. Русская Духовная Миссия, в отличии от Миссии довоенной, получила официальное признание Порты. Так, в отношении товарища министра иностранных дел обер-прокурору Св. Синода от 16 августа 1857 г. сообщалось, что «Порта признает официальное существование нынешней Духовной Миссии нашей в Иерусалиме, которая прежде сего проживала там негласно и была только терпима. Через это признается право нашей Духовной Миссии на самостоятельную деятельность и дается ей возможность сноситься с Патриархом Иерусалимским на основании совершенного равенства, вне всякой зависимости от Святогробского духовенства»[7].

[1] Там же. Л. 4.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 13.
[4] Проект отношения министра иностранных дел князя А. М. Горчакова к посланнику в Константинополе А. П. Бутеневу. С.-Петербург, 16 апреля 1857 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 2. М., 2000. С. 53.
[5] Копия с доверительного отношения генерального консула в Бейруте Мухина к д. т. с. А. П. Бутеневу. Бейрут, 30 апреля 1857 г. // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (далее - ИР НБУ). Ф. ХШ. Д. 6343. Л. 19-19об.
[6] Там же. Л. 20.
[7] Отношение и. д. товарища МИД И. С. Мальцева обер-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому. С.-Петербург, 16 августа 1857 г. // ИР НБУ. Ф. ХШ. Д. 6343. Л. 21-21об.

Начальником РДМ 1 сентября 1857 г. был назначен инспектор С.-Петербургской духовной академии архимандрит Кирилл (Наумов)[1], который 13 октября 1857 г., с целью повышения иерархического статуса миссии, был рукоположен во епископа Мелитопольского.

Встает вопрос, почему именно на его кандидатуре остановило свой выбор Министерство иностранных дел? Епископ Леонид (Краснопевков), викарий митрополита Филарета, в сентябре 1857 г. сделал заметку в дневнике: «Министр иностранных дел просил, чтобы в миссию в Иерусалим назначен был Порфирий - отказали, Кирилл - отказали; теперь он помимо Синода просит Государя о назначении Кирилла: министр иностранных дел начинает ставить архиереев»[2]. А. А. Дмитриевский пишет, что «архимандрит Порфирий не был назначен на прежнее место в силу иных воззрений на нашего представителя на Востоке канцлера князя А. М. Горчакова и обер-прокурора А. П. Ахматова (это описка, на самом деле графа А. П. Толстого. - И. С.)»[3]. Что касается Кирилла (Наумова), то известно, что еще в начале 1857 г., когда к митрополиту Филарету (Дроздову) обратились за советом, кого назначить на должность настоятеля посольской церкви в Константинополе, он отвечал: «По сочинениям инспектора СПбДА архимандрита Кирилла и по слухам о нем, думаю, что в нем найдется довольно способности, знания людей, искусства обращаться в разностихийной сфере, чтобы служить в Константинопольской миссии». Но архимандрит Кирилл от назначения отказался - как ученый монах и инспектор Академии, он мог претендовать на более почетную должность ректора. Теперь /КС} КЭ.К можно предположить, перспектива повышения в иерархическом сане уже не давала Кириллу повода для уклонения. В целом, создается впечатление, что и перед обоими ведомствами (дипломатическим и церковным) стояла проблема кадров - не так легко было сделать достойный выбор на столь значительный пост в Иерусалим, где все религии и все христианские конфессии имели свои интересы и притязания и отстаивали их в крайне напряженных политических условиях.

Следует отметить, что учреждение церковного представительства России в Иерусалиме было исключительно инициативой дипломатического ведомства, как и назначение начальника Духовной Миссии в сане епископа. В МИДе не посчитали нужным привлечь к обсуждению восстановления РДМ членов Св. Синода - в МИД был вызван обер-прокурор Св. Синода граф А. П. Толстой и поставлен перед фактом. Таким образом, решение, принятое МИД, и его признание Портой не были согласованы с церковными структурами, то есть российскими и иерусалимскими церковными властями. Потому и Синод не считал нужным о своей стороны уведомить Патриарха Иерусалимского Кирилла II о том, что в его патриархат направляется русский епископ.

Эти непродуманные шаги отзовутся впоследствии очень непростыми отношениями между Патриархом Кириллом и епископом Мелитопольским, которому потребуются значительные усилия для выстраивания отношений с предстоятелем Иерусалимской Церкви. Позже выяснится, что и назначение епископа в Иерусалим было ошибочным. Но это будет признано лишь через два года.

Основные задачи начальника Миссии, прописанные инструкцией МИДа, были следующие:

поддерживать дружеские отношения с греческим духовенством в Иерусалиме, а также с иноверными духовными властями;

главное внимание обращать на арабское духовенство;

подавать пример церковной ревности и благолепия;

осуществлять нравственное наблюдение за поклонниками;

устроить богадельню для поклонников в Крестном монастыре (если он будет уступлен Патриархом), по примеру латинских заведений;

распространять свои действия на соседние - Антиохийский и Александрийский Патриархаты;

[1] *Епископ Кирилл* (Наумов; 1823-1866). Окончил Калужскую духовную семинарию (1843) и СПбДА (1847). 7.06.1847 пострижен в монашество; 22.06.1847 рукоположен во иеродиакона; 21.07.1847 - во иеромонаха. По окончании академии оставлен бакалавром богословия и помощником инспектора. 22.03.1849 получил степень магистра; с 26.09.1851 экстраординарный профессор; 7.10.1851 возведен в сан архимандрита. 16.01.1855 назначен инспектором СПбДА; 12.04.1855 утвержден в звании профессора; 13.10.1857 рукоположен во епископа Мелитопольского. 22.06.1863 был смещен со своего поста и назначен настоятелем Казанского Спасо-Прсображенского монастыря. Ум. 10.02.1866.

[2] Из записок преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского. М., 1907. С. 164.

[3] *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882-1907. М.-СПб, 2008. С. 92. См. также: Смирнова И. Ю. Пстсрбург-Москва-Исрусалим: миссия архимандрита Порфирия (Успенского) // Вопросы религии и религиоведения. 2011. Вып. 2.4.1-2. - Нах. впеч.

стараться не допускать присоединения яковитов, халдеев и коптов к Римской Церкви[1].

Реакцией на программу князя Горчакова, заявленную в его докладе, и на учреждение в Иерусалиме Русской Духовной Миссии был всеобщий, и в первую очередь в высочайших кругах, интерес к русскому присутствию в Палестине и на Ближнем Востоке. Отправление РДМ в Иерусалим инициировало в Петербурге интенсивную деятельность различных партий из ближайшего окружения государя императора.

Известно, что непосредственное участие в положении духовной миссии приняла императрица Мария Александровна. Она оказывала личное внимание и материальную поддержку епископу Кириллу (Наумову), выделила собственные средства на нужды миссии; в ее окружении возникла идея создания Благотворительного Комитета под покровительством самой императрицы для поддержки деятельности РДМ в Палестине. Составление проекта, по просьбе императрицы, было поручено митрополиту Московскому Филарету (Дроздову).

В письме обер-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому от 4 ноября 1857 г. митрополит Филарет предложил проект «о способах к оказанию помощи Иерусалимской Миссии и бедствующим на Востоке христианам», согласно которому предполагалось образование особого, под Высочайшим покровительством, Комитета для помощи Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Надо сказать, что мысль о создание подобного Комитета возникла еще в 1840-х гг., когда А. С. Норов и А. Н. Муравьев («некоторые витязи Гроба Господня», как назвал их Порфирий) предложили проект Благотворительного палестинского комитета в пользу русских паломников, который был бы независим ни от МИДа, ни от Св. Синода. По свидетельству архимандрита Порфирия, на это последовала крайне отрицательная реакция генерального консула в Бейруте К. М. Базили, который в беседе с архимандритом 23 декабря 1848 г. говорил о совершенной недопустимости подобных начинаний, а именно, что «господа Норов и Муравьев питают несбыточные желания. Они хотят иметь духовное влияние на Православные Церкви в Палестине, Сирии, во всей Турции и даже в Австрии, посылать туда пособия и своих соглядатаев, духовных или светских, мимо нашего министерства иностранных дел. А согласитесь, что это невозможно» и т.д., на что Порфирий заметил, что «поэты и мечтатели никогда не поладят с дельными и хитрыми дипломатами»[2]. (Заметим при этом, что «поэты и мечтатели» были известными на Востоке церковными деятелями, епитропами Иерусалимского престола и лучше чем кто-либо понимали ситуацию на Святой Земле).

Прошло без малого десять лет, и с аналогичным предложением выступила императрица Мария Александровна. По замыслу проекта, Благотворительный Комитет, составленный из 6-12 женщин высшего круга общества, должен был осуществлять постоянную связь с Духовной Миссией в Иерусалиме, получать от нее сведения о православных нуждах на Востоке и принимать меры к их удовлетворению. Кроме того, ему предстояло взять на себя заботу о устроении начального обучения православных арабских детей, а также попечение о создании условий для проживания в Иерусалиме православных паломников из России[3].

Митрополит Филарет писал наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву) 7 ноября 1857 г.: «У меня был преосвященный Кирилл, которому на Востоке отверзается дверь пространна и сопротивлении мнози. Он обладает свободным движением мысли и слова: но опытами не приготовлен к делу, которое и для опытных затруднительно. Да поможет ему Бог. Дают ему 14000 руб. сер. в год; и устрояется нечто вспомогательное, под покровительством Высоких особ, но план устроения еще не в ясных чертах. Требовалось бы добровольное общество: это мы недовольно умеем вести. <...> По вопросу, я предложил нечто похожее на общество. Не знаю, как примут»[4].

Вскоре на рассмотрение святителя было передано еще одно предложение императрицы о помощи Духовной Миссии. Как писал Филарету граф А. П. Толстой, Марии Александровне «пришла мысль: нельзя ли завести две иерусалимские часовни: одну

[1] Верноподданнейший доклад вице-канцлера князя А.М. Горчакова «Проект преобразования Иерусалимской Духовной Миссии и инструкции начальника ее». С.-Петербург, 23 марта 1857 г. // АРДМ. П. 1. Д. 1. Л. 13.

[2] Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. СПб, 1894. Т. 3. С. 449-450.

[3] См.: Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб, Т. III. С. 285-286.

[4] Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры преподобному Антонию (Медведеву). М., 2007. Т. 3. С. 38-39.

в Москве, а другую в Петербурге с кружками для пособий, через нашу миссию, бедствующим нашим единоверцам. Но как устроить сии часовни? Чем привлекать молитвенников? Какие в них совершать могут особые службы или же прочитываться особые молитвы? Самое устройство подобных часовен не будет ли делом новым? и проч.»[1] На вопросы императрицы митрополит Филарет, ссылаясь на церковную практику устроения часовен либо на особо памятных местах, либо на месте бывших храмовых престолов, ответил, что «строить часовню для дохода было бы не в духе веры и Церкви. Это было бы не без повода к нареканиям»[2].

Подобные предложения свидетельствуют о пристальном внимании к положению на Востоке в самых влиятельных кругах, однако деятельность «женского» Комитета во многом уступала активной и деловой партии великого князя Константина Николаевича, брата государя императора, генерал-адмирала, возглавившего Морское министерство. Партия «Мраморного дворца», опираясь на учрежденное 3 августа 1856 г. в Петербурге «Русское общество пароходства и торговли» (РОПИТ), с самого начала проводила практически независимую линию действований на Востоке.

В январе 1857 г. в Иерусалим «под камуфляжем "секретности" и таинственности» был направлен сотрудник великого князя Б. П. Мансуров, «близкий к мраморному дворцу и одновременно к РОПИТу»[3]. Целью поездки было не столько объявленное во всеуслышание «собирание нужных практических материалов и приготовление на основании оных путеводителя к святым местам», сколько ознакомление с политической ситуацией на Востоке и поиском такой стратегии России, которая могла бы «привести наше вмешательство на Востоке в такую неполитическую форму, которая обезоружила бы наших противников»[4].

Таким образом, еще до утверждения императором доклада князя Горчакова, в окружении великого князя Константина Николаевича был избран особый способ действования, который, основываясь на такой массовой, мирной и неполитической форме, как движение русского паломничества в Святую Землю, предполагая активизацию политического присутствия России в ближневосточном регионе.

По возвращении из Палестины Б. П. Мансуров представил великому князю Константину Николаевичу отчет[5], в котором обосновывал необходимость привлечь к русскому делу в Палестине Русское общество пароходства и торговли в качестве «лучшего и вернейшего орудия для исполнения того, чего требуют достоинство и польза Русской Церкви»[6].

Предложения Мансурова по финансированию деятельности РОПИТа в Палестине в первую очередь имели в виду средства, пожертвованные русскими паломниками. Из движения русского паломничества РОПИТ, по мнению Мансурова, должен «извлекать денежную выгоду и не пренебрегать оной»[7], кроме того он считал, что при распоряжении «большими суммами из источников частных гораздо лучше не вводить оных в официальную отчетность Министерства иностранных дел, а распоряжение оными предоставить конторе Общества Пароходства, отчетность коей проще и правильней»[8]. Главными принципами, которыми предлагал руководствоваться Мансуров в деле финансирования, была «личная ловкость» тех людей, которые должны участвовать в деятельности на Востоке от лица РОПИТ, а также «неизбежная доля личного произвола» и «полное и неограниченное доверие во всех подробностях финансового дела»[9]. И вообще, как считал Мансуров, если придать нашему вмешательству на Востоке коммерческий характер, весь вопрос даже «упроститься»[10].

Отчет Мансурова вызвал обширную полемику во всех сферах, причастных к русскому делу на Востоке.

[1] Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб, Т. III. С. 288.

[2] Там же. С. 289.

[3] Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX - начале XX в. М., 2006. С. **109.**

[4] Ямилинсц Б. Ф. Россия и Палестина, М., 2003. С. 110.

[5] Этот отчет был напечатан в нескольких экземплярах 24 декабря 1857 г. и разослан для обсуждения разным лицам. Позже с большими сокращениями он был издан в книге «Православные поклонники в Иерусалиме» (СПб., 1858) (Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882-1907. М.-СПб, 2008. С. 94).

[6] Там же. С. 95.

[7] Там же. С. 96.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

Неудивительно, что по ознакомлении с отчетом Б. П. Мансурова по просьбе великого князя Константина Николаевича, митрополит Филарет (Дроздов) отвечал: «Имею долг принести Вашему Высочеству нижайшую благодарность за снисходительное доверие, оказанное мне дозволением читать прискорбные и ненужные сведения о святых местах, собранные г. Мансуровым, и предположения. Соответствуя снисхождению Вашего Высочества, позволяю себе сказать: очень жаль, что на сей предмет такого внимания, какое теперь, не было обращено прежде, когда действовать было удобнее. С заботою также помышляю о том, что это напечатано. Печатное едва ли может быть полезным. А узнав о сем откровенное изложение наших предположений, враги Православия и России могут усилить препятствия даже простым делам человеколюбия, чтобы поставить преграду дальнейшим видам нашим»[1]. Подобное отношение к книге Мансурова выразил и синодальный прокурор: «Если бы сочинение г. Мансурова сделалось известным на Востоке, и также если бы его мысли приобрели многих приверженцев в России и были приведены в исполнение, то это могло бы иметь последствия, неприятные для лиц, поверивших ему и горестных для России вообще»[2].

Но эти заключения несколько опоздали, так как к этому времени уже были приняты конкретные меры по инициации деятельности на Востоке в соответствии с предложениями Мансурова.

В числе первых (27 декабря 1857 г.) отчет Мансурова был передан на отзыв бывшему первым начальником РДМ архимандриту Порфирию (Успенскому), известному в высшем обществе Петербурга в качестве знатока Востока[3]. Великий князь лично просит его «потрудиться прочесть и сообщить ему с полной откровенностью свои мысли по всем заключающимся в ней предметам, также указание тех мер, которые правительство наше должно бы принять ныне, дабы сколь возможно облегчить православным русским исполнение благочестивого подвига и дабы возбудить в большем числе народа желание поклониться святыням Господним»[4].

Соображения Б. П. Мансурова, дополненные предложениями архимандрита Порфирия о церковном кружечном сборе на нужды русских паломников и об назначении в Иерусалим русского консула (и «не просто обычного консула, а "особого" консула, так как представительство российское в Палестине имеет свою специфику и значительно отличается от дипломатической службы в других странах и в особенности от европейских»[5]), легли в основу доклада великого князя Константина Николаевича Александру II об участии РОПИТ «в усилении влияния России в Средиземном море и в Палестине»[6], представленный императору 27 февраля 1858 г. В тот же день последовало Высочайшее распоряжение о рассмотрении возможности учреждения консульства в Иерусалиме и об «установлении кружечного сбора во всех православных церквах империи и открытии повсеместной подписки для сбора денег на улучшение быта православных поклонников в Палестине[7] (при этом прием пожертвований, счетоводство и все делопроизводство по ним сосредоточено было в Комиссариатском департаменте Морского министерства»[8]).

Что касается назначения консула в Иерусалим, то не один лишь архимандрит Порфирий видел в этом необходимость. Епископ Кирилл (Наумов) также указывал на надобность в присутствии русского консульства, который бы мог взять на себя часть официальных проблем русских паломников, и имел даже предварительные «объяснения с Иерусалимским Патриархом Кириллом о необходимости учредить особый консульский пост в Иерусалиме»[9]. В своем отчете из Иерусалима начальник РДМ писал: «Необходимо иметь в Иерусалиме консула

[1] Письмо митрополита Филарета к великому князю Константину Николаевичу <...> с отзывом о собранных г. Мансуровым сведениях о святых местах. Москва, 25 апреля 1858 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб, Т. 111. С. 320.

[2] ОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 138.

[3] См. *Порфирий (Успенский),* ен. Ответ на недавние известия с Сиона. [Отзыв на «Записку» Б. 11. Мансурова, присланную Порфирию великим князем Константином Николаевичем 27 декабря 1857 г.] // Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. 1. С. 429-468.

[4] *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное 11алестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882-1907. М.-СПб, 2008. С. 94-95.

[5] *Ямилинец Б.Ф.* Россия и Палестина. М., 2003. С. 131.

[6] Там же. С. 132.

[7] Указом Св. Синода от 15 марта 1858 г. предписано употребить надпись: «на улучшение быта православных в Палестине» (См.: Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб, Т. 111. С. 412).

[8] *Ямилинец Б.Ф.* Россия и Палестина. М., 2003. С. 132-133

[9] Отношение посланника А.П. Бутенева к епископу Кириллу. Константинополь, 21 февраля 1858 г. // АРДМ. 11. 60. Д. 1184. Л. 1.

<...>. Я, со своей стороны, надеюсь, что дела наши, как в отношении Патриархии, так и по отношению к паломникам пойдут наилучшим образом, когда найдутся у нас средства к прямому воздействию и со стороны политической, и со стороны нравственной, не довольно удобно связывающихся в одном лице, особенно в лице духовного сана»[1].

В Министерстве иностранных дел было решено поручить эту должность коллежскому советнику Владимиру Ипполитовичу Доргобужинову, состоящему по Морскому министерству и уже назначенному Обществом пароходства и торговли, по предварительному соглашению с Министерством иностранных дел, своим агентом в Иерусалиме[2]. Об этом был извещен и епископ Мелитопольский, которому сообщили о том, что «Государь Император Высочайше повелеть соизволил назначить агента Русского общества пароходства и торговли в Иерусалиме коллежского советника Доргобужинова, временно управляющим нашим там консульством». При этом епископа просили благосклонно принять его и не оставлять своими советами», а также, что «министерство уверено, что и он с своей стороны будет во всем содействовать Вашим благим начинаниям, и таким образом, при обоюдном Вашем с ним согласии путь к достижению нашей цели значительно облегчится»[3].

Назначением «своего» человека в Иерусалим, пусть даже с согласия МИД, РОПИТ закрепил за собой абсолютное право самостоятельного действования в Палестине. Да, конечно, в Иерусалиме находилась Русская Духовная Миссия во главе с епископом и с ней, казалось бы, нельзя было не считаться (что собственно и будет очень определенно прописано в инструкции А. П. Бутенева к иерусалимскому консулу). Но время покажет, и очень скоро, что конструктивного взаимодействия консула с начальником РДМ не получится, и в дальнейшем РОПИТ (в лице подведомственных ему Палестинского Комитета, а затем и Палестинской Комиссии) и РДМ будут следовать параллельными путями, хотя изначально предполагалось, что консул в Иерусалим назначен в помощь начальнику РДМ, чтобы освободить его от дел, требующих вмешательства турецких властей.

В инструкции, данной Доргобужинову российским посланником в Константинополе А. П. Бутеневым, были прописаны консульские обязанности двоякого рода - «во-первых, присвоенные вообще званию консула нашего на Востоке, во-вторых, проистекающие из особенности положения нашего в Иерусалиме, где существует Духовная Миссия наша, официально признанная Портою, и куда ежегодно стекается много русских паломников»[4].

Главной причиной учреждения консульства в Святом Граде Бутенев называл необходимость «избавить нашего епископа от несовместимых с его духовным саном как полицейского надзора над пребывающими там русскими поклонниками, так и непосредственных сношений с турецкими властями и иностранными консулами в Иерусалиме не только по делам чисто гражданским, но даже и по таким духовным делам, которые, как это нередко случается, требовали бы объяснений или переговоров с этими властями»[5].

Но во всех случаях от консула требовалось «действовать в полном согласии с начальником нашей Духовной Миссии, и оказывать ему все свое содействие». Это положение инструкции посланник считал настолько важным, что посчитал нужным усилить его следующими словами: «Что касается отношений Ваших с начальником Духовной Миссии, то <...> Вы должны быть ему послушным сотрудником и оказывать ему полное содействие по его востребованию и усмотрению, так как он снабжен от Министерства иностранных дел непосредственною инструкциею о всем, что касается духовно-политической деятельности нашей в Иерусалиме, - причем Вам предоставляется облегчать труды его, служить ему посредником в сношениях его с посторонними лицами и всячески способствовать к достижению общей благой цели Вашего совместного пребывания в Иерусалиме»[6].

[1] Цит. по: Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882-1907. М.-СПб, 2008. С. 89.

[2] Доклад министра иностранных дел князя А. М. Горчакова о назначении В. И. Доргобужинова и. д. консула в Иерусалиме. С.-Петербург, 19 апреля 1858 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. М., 2000. С. 55.

[3] Отношение Директора Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевского к епископу Кириллу. С.-Петербург. 30 апреля 1858 г. //АРДМ. П.60Д. 1184.Л. 1.

* Инструкция посланника в Константинополе А. П. Бутенева первому русскому консулу в Иерусалиме В. И. Доргобужинову. Буюкдере, 9 августа 1858 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. М., 2000. С. 57.

[5] Там же. С. 58.

[6] Там же. С. 60.

Таким образом, посланник в Константинополе четко определил положение консула по отношению к начальнику РДМ, как главы русского учреждения, официально признанного Портой. Все прочие службы в глазах турецкого правительства должны были носить лишь вспомогательный характер и только в таком качестве могли быть дозволены в Святой Земле. То, что эта иерархия была нарушена и консул начал со временем действовать самостоятельно и независимо от епископа, привело к трагичному разладу в их отношениях и нарушило предполагаемый механизм взаимодействия Духовной Миссии и консульства в Иерусалиме на многие десятилетия.

Учреждение русского консульства в Иерусалиме (апрель 1858 г.) существенно изменило дипломатическую карту русского присутствия на Ближнем Востоке. Оно повлекло за собой изменение всей структуры русских дипломатических агентств, вице-консульств и консульств в Палестине с перераспределением обязанностей и подчиненности. Эти изменения в дипломатическом раскладе не могли не вызвать всеобщего беспокойства. Со всех точек зрения - политических, дипломатических, духовных - в этих переменах были готовы увидеть нарушение равновесия и стабильности и угрозу со стороны России.

В этой сложной для России послевоенной ситуации назрела необходимость выработать общую концепцию отношения России к турецкому правительству, к западной дипломатии, греческому высшему духовенству и его многонациональной пастве (в первую очередь арабам и славянам). Другими словами, предстояло определить приоритеты и способы мирного проникновения на Восток.

Один из вариантов обсуждавшейся концепции предложил российский дипломат Василий Сергеевич Неклюдов, сотрудник российского посольства в Афинах[1]. Главная мысль его аналитической записки (1858) состояла в том, что «настоящее призвание России, самим Промыслом ей предназначенное во всемирной политике» - это освобождение православных христиан Востока от турецкого ига. Красной нитью проходит через всю записку идея дружеских, братских отношений с греческим высшим духовенством. «Не Русскою Церковию мы должны явиться на Востоке, но членами единой Восточной Православной Церкви. Мы владыки у себя, но на Востоке должны быть братьями тамошних владык, помогать им и возвышать их в своих собственных глазах, а особенно в глазах тамошних народонаселении, вселять в них полное к нам доверие»[2].

Подобная позиция не позволяла автору одобрительно отнестись к учреждению в Иерусалиме независимого российского церковного представительства, тем более во главе с лицом в епископском сане. Единственное, что он считал приемлемым, не вызывающим с чьей-либо стороны подозрений и неудовольствия, это устроение при иерусалимском консульстве «благолепной домашней церкви с русским причтом и под настоятельством умного, ученого и набожного архимандрита»[3]. Первостепенное значение Неклюдов, имевший опыт работы в Афинах, отводил тому примеру, который могло преподать русское духовенство греческому клиру: «Устройство при императорской миссии посольской церкви, постоянно разумные и удачные выборы настоятелей оной, произвели, единственно одним примером и частыми дружественными и братскими увещаниями наших пастырей действие разительное во всех отношениях к улучшению и усовершенствованию тамошнего духовенства»[4]. Таким образом, Неклюдов, вопреки мнению МИД, впрямую говорил о неуместности русского епископа в Иерусалиме.

Некоторые мнения Неклюдова разделял и митрополит Московский, который, ознакомившись с запиской, писал, что «главная мысль статьи справедлива, и жаль, что наше правительство не размышляло так ранее»[5]. Прекрасно знакомый с восточными церковными реалиями, но в то же время отдавая отчет в том, что существует угроза православию в Османской империи со стороны Запада, Филарет считал первостепенной задачей России по отношению к Греческой Церкви «блюсти единение духа в союзе мира»[6].

[1] Записка В. С. Неклюдова в ответ Б. П. Мансурову//ОР РГБ. Ф. 188. К. И. Ед. хр. 5. Л. 92-1 Озоб. Записка представлена в копии и не датирована, однако по упоминанию в ней учрежденного русского консульства в Иерусалиме (19 апреля 1858 г.) может быть отнесена к маю-июню 1858 г.

[2] Там же. Л. 98.

[3] Там же. Л. 101.

[4] Там же. Л. 102-102об. В 1850-1860 гг. настоятелем посольской церкви в Афинах был архимандрит Антонин (Капустин).

[5] Письмо митрополита Филарета к архимандриту Антонию (Медведеву). Москва, 13 ноября 1858 г. // Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831-1867. СТСЛ, 2007. Т. 3. С. 80.

[6] Филарет, митрополит Московский. Значение церковной молитвы о соединении Церквей // ОР РГБ. Ф. 316. Картон 8. Ед. хр. 34. Л. 3.

Свое отношение к основным тезисам записки Неклюдова святитель изложил в письме к наместнику Лавры архимандриту Антонию от 13 ноября 1858 г. «Господин Неклюдов пишет благонамеренно. Правда, что греческое духовенство по нужде собирает деньги, как оборонительное оружие против турок, но правда и то, что многое собранное для Церкви идет по рукам родственников владык. Примеры очевидны и многочисленны. Не надобно порицать: но нужно иногда скромно посоветовать, и с осторожностию давать деньги. <...> Что учреждать нам в Палестине места и учреждения церковные самостоятельные может быть вредно для согласия с греческою иерархиею, это правда. И что послать в Иерусалим епископа, а не архимандрита, сомнительно, лучше ли первое последнего. Архимандрит меньше бы колол глаза тамошним, и неприятность, сделанная архимандриту, менее была бы тяжела для нас, нежели сделанная епископу. А полезное влияние иметь мог бы хороший архимандрит не менее, как и епископ. Посылка архимандрита меньше бы давала случая иностранным кричать, и расстраивать турок криком, что это наша пропаганда и что мы ищем усилиться в Турции религиозно, чтобы усилиться политически, и разрушить магометанство и государство турецкое вместе <...>»'.

Когда от святителя потребовался отзыв на донесение епископа Кирилла о положении Миссии в Иерусалиме, во всем, что касалось отношений с греками, он отвечал в согласии с запиской Неклюдова.

Так, преосвященный Кирилл писал, что «Россия пользуется на Востоке еще глубоким и повсеместным сочувствием и доверием, но в последнее время даже в православных лицах и народах стали обнаруживаться недоверие и неприязнь к России, и противодействие ей. Теперь настала решительная пора. И друзья и недруги наши с напряженным вниманием чего-то ждут, и от действий нашего правительства и нашей Миссии зависит, будет ли могущество России на Востоке восстановлено и утверждено (к торжеству православия) или поколеблено и унижено, (на радость врагам Церкви)»[2].

В ответ на тезис начальника РДМ, митрополит Филарет предложил всеми силами достигать единомыслия и союзничества с греческой иерархией: «Положение Миссии, как видно из слов Преосвященного Кирилла, затруднительно от того, что у нас много врагов, следовательно, нам нужно подумать о союзниках, а главные, природные союзники наши суть греки. Итак не от приобретения земли и не от построек зависит успех Миссии, но от сохранения совершенного единомыслия с греками, совокупно с которыми мы должны действовать во славу общей нашей Матери-Церкви. Патриарх Латинский, как сказано в донесении, ждет, что между русскими и греками будет непрестанная ссора: вот чего желает наш главный враг, и следовательно, чего мы должны более всего остерегаться»[3].

Доверительные отношения с иерусалимским высшим духовенством, по мнению митрополита Филарета, помогут постепенно вывести Миссию из тягостной зависимости от него, о которой писал епископ Кирилл в своем донесении, приводя в пример, что «для каждой службы в Архангельском монастыре требуется каждый раз особое письменное дозволение и т. п.»[4]. Отзыв московского святителя, в полном соответствии с запиской Неклюдова, был следующим: «Недоверчивость, с которой греческая иерархия стесняет действия Миссии, исчезнет сама собою, если греки убедятся, что мы явились в Иерусалиме не соперниками их, не блюстителями действий Иерусалимской Патриархии и покровителями всех недовольных ею, но желаем только совокупно с ними облегчать нужды страждующих братьев. Твердость и решительность прежде всего должно прилагать к сохранению мирных отношений с Греческою Церковью, и все искусство преосвященного, кажется, должно состоять в том, чтобы не было ни малейшей недоверчивости между архиереями, служащими одной и той же Вселенской Церкви»[5].

Большую озабоченность вызвало у митрополита Московского заявление преосвященного Кирилла, что «причина всего зла - преобладание греков» (имеется в виду состав высшего духовенства) и что, в связи с этим, «ревнителям православия предстоит на Востоке борьба с вековым преобладание греков, составляющих в Турции как бы status in statu. Их должно ослабить, исхитив, при содействии Порты,

[1] Письмо митрополита Филарета к архимандриту Антонию (Медведеву). Москва, 13 ноября 1858 г. // Святитель Филарет, митрополит Московский. Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергисвой Лавры. 1831-1867. СТСЛ, 2007. Т. 3. С. 80.

[2] Извлечение из донесения епископа Кирилла (Наумова) // ОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 157.

[3] Там же. Л. 171.

[4] Там же. Л. 158об.

[5] Там же. Л. 171об.-172.

из рук греческой иерархии патриархии»[1]. Это наступление на греческое духовенство со стороны епископа Мелитопольского (которое, к сожалению, во многом соответствовало действительности) Филарет определил, как желание «разорвать ту духовную власть, которою держится Церковь». «Если бы Миссия действовала согласно с этими словами, - заключил свои замечания святитель, - то это имело бы самые гибельные последствия для России и для всего Востока. Остается предположить, что за поспешностью употреблены те выражения, значение коих не вполне взвешено»[2].

Казалось бы, начальнику РДМ в Иерусалиме ощутимее были болевые точки Иерусалимской Церкви, чем московскому иерарху, но за плечами Филарета был без малого сорокалетний опыт знакомства с ситуацией на Востоке и самого тесного общения с духовенством Поместных Церквей, в том числе арабским и славянским. Прекрасно зная все недостатки греческого духовенства в их обращении с православными меньшинствами Османской империи, в решении наиболее важных проблем Православия на Востоке Филарет исходил из церковно-политических реалий, а именно из духовного и политического соперничества великих держав с учетом повсеместного наступления Римского престола.

В стремлении не утратить своего влияния в Святой Земле Россия в конце 1850-х гг. оказалась в эпицентре дипломатической, церковной и миссионерско-благотворительной конкуренции всех христианских конфессий. В это время начинается новый виток утихшего на время конфликта движения за так называемое воссоединение Церквей, которое было заявлено Пием IX еще в 1848 г. и под которым понималось «достижение соединения всех христиан, отделившихся от средоточия церковного единства»[3] под омофором Папы Римского. Наступление католицизма по всей Европе, включая Англию и Россию, буквально захлестнуло Православный Восток и славянские области Османской империи. Для предотвращения перехода православных подданных Турции в католицизм или унию, необходимо было сохранение соборного единства Русской и Восточной Церквей, что и являлось главной заботой российского правительства и лично митрополита Филарета (Дроздова). «Мы не должны забывать, - писал он, - что против притеснений турок и ухищрений Запада Восточная Церковь держится только своим плотным, неразрывным единством»[4].

Отзыв митрополита Филарета, в главных положениях соответствующий духу записки Неклюдова, мог послужить руководством для составления проекта отношения МИД к преосвященному Кириллу от 5 июля 1858 г., в котором выражены те же настоятельные пожелания мирного и терпеливого пребывания РДМ в Иерусалиме: «Необходимо избегать всякого повода к несогласиям и неприятным столкновениям с греческой иерархиею, чего, как видно из самых донесений Ваших, желают враги нашей Церкви для разъединения ее, для общего соблазна и совращения с пути истины приверженцев этой Церкви»[5]. Отвечая Кириллу на жалобы о тягостной зависимости Миссии от иерусалимских владык, в отношении повторяется совет московского митрополита, что зависимость эта «есть последствие продолжительного предшествовавшего влияния иерусалимских властей на нашу Миссию, и от него избавиться можно не вдруг, а постепенно, приобретя мало-помалу полную доверенность греческой иерархии, хотя мы вполне согласны, что этого нелегко достигнуть»[6].

Что же касалось пренебрежительного отношения греческой иерархии к православным арабам, отмеченного в донесении преосвященного Кирилла, в инструкции, согласно с отзывом митрополита Филарета, прописывалось: «Не должно забывать, что греческое духовенство поставлено силой самих обстоятельств блюстителем православия на Востоке. Уронить его в общественном мнении значило бы разорвать последнюю связь между православными населениями, не заменив никакой другой»[7].

Таким образом, мы видим, что и МИД и Св. Синод (в лице митрополита Филарета) делали все возможное, чтобы скорректировать позицию начальника РДМ по отношению к Иерусалимской

[1] Там же. Л. 161об.-162.
[2] Там же.
[3] Послание архиепископа Министерского Иоанна Георга по поводу организации Общества св. Петра для соединения Православной и Католической Церквей. Мюнстер, 22 февраля 1859. Пер. с нем. // ОР РГБ. Ф. 316. К. 71. Ед. Хр. 16. Л. 4.
[4] Филарет, митрополит Московский. Отзыв на донесение епископа Кирилла // ОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 172об.
[5] Проект отношения МИД к начальнику РДМ в Иерусалиме епископу Мелитопольскому Кириллу (Наумову). Петергоф, 5 июля 1858 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 2. М., 2000. С. 58.
[6] Там же. С. 59.
[7] Там же. С. 60.

Патриархии и Святогробскому братству - своим дружелюбием вызвать в греках доверительность и мирное расположение. Это была непростая задача, поскольку русскому делу в Иерусалиме противились как европейские дипломаты, так и греческая Патриархия, имевшая к тому свои причины.

В связи с приездом епископа Мелитопольского, Патриарх Иерусалимский Кирилл II был поставлен в трудное положение. С одной стороны ему ничего не оставалось, как подчиниться воле императора огромной православной империи, которой столь многим была обязана Иерусалимская Церковь. С другой стороны, он был зависим и от своего правительства, относившегося к России с понятной настороженностью, и от Фанариотского духовенства, и от иных факторов.

При встрече с архимандритом Порфирием в 1858 г. в Константинополе Патриарх не скрывал своей обиды: «Ваше правительство о назначении епископа в Иерусалим вело переговоры с Портою, а меня не уведомили заблаговременно, и я уже от Порты узнал ход сего дела и что ею утверждено пребывание русского архиерея во Святом Граде. Нам больно такое пренебрежение достоинством православного Патриарха. Но что делать! Пусть бьют нас по голове! Внезапное посольство русского епископа во Иерусалим привело всех нас в смущение. Соборными правилами и обычаями ограждены права и определены взаимные отношения настоятелей Церквей»[1].

В защиту русского епископа выступил митрополит Московский Филарет (Дроздов). В отзыве на письма Порфирия, он указал, что Русская Церковь могла бы рассчитывать на более дружественное понимание в Иерусалиме внецерковных политических реалий:

«Собеседник Патриарха Иерусалимского верно ли записал его слова? Кажется, вежливость требовала сказать, что он (Патриарх Кирилл. - И.С.) принял преосвященного <епископа> Кирилла (начальника РДМ. - И.С.) в уважение воли православного императора. И что же собеседник Патриарха ничего не сказал ему в защиту <епископа> Мелитопольского? А мог бы сказать:

- что в сношении о нем с турецким правительством русская иерархия не виновата, ибо действовало по своему усмотрению Министерство иностранных дел;

- что между посольством архимандрита и епископа разность неважна; и российская иерархия без затруднения принимала патриарших посланников, преосвященных - Иерофея Фаворского, Неофита Илиопольского и ныне Никанора Фиваидского;

- Хорошо ли Патриарх Иерусалимский протестует против посольства русского епископа в Иерусалим, после того, как сам Иерусалимский Патриарх <Афанасий> послал архиепископа в Россию? Это ясно. Разница только та, что Мелитопольский привез в Иерусалим русские деньги, а архиепископ Фаворский не привез в Россию иерусалимских денег, а из России вывез около полумиллиона русских, по тогдашнему счету.

Архимандрит Порфирий, - заключает святитель, - обрадовался случаю сказать слово против своих недоброжелателей и не приметил, что не оказал себя ни доброжелателем Мелитопольского, ни доброжелателем российской иерархии»[2].

В своем отчете уполномоченный по возведению в Иерусалиме Русских Построек Б. П. Мансуров сообщал, что «Иерусалимский Патриарх внезапно отправился в Иерусалим, как он сам публично высказался, чтобы умерить русского епископа»[3]. Трудно сказать, какие действия преосвященного Кирилла вызвали столь сильное беспокойство Иерусалимского Патриарха - слишком ли торжественные богослужения (правда, в сослужении лишь двух иеромонахов - о. Ювеналия Половцева и о. Леонида Кавелина) или его путешествия в пределах Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов, которые сопровождались пышными встречами и приемами (что, кстати сказать, было заранее оговорено с МИД для того, чтобы произвести впечатление на арабов)[4].

[1] Заметки митр. Филарета, по прочтении двух писем бывшего на Востоке архимандрита Порфирия. 7-8 сентября 1858 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб, 1887. Т. Доп. С. 455.

[2] Там же. С. 455-457.

[3] Там же.

[4] По этому поводу митрополит Филарет с заботой писал о нежелательном впечатлении, какое могли бы иметь действия епископа Кирилла: «Преосвященный Кирилл путешествовал по Востоку и принимал очень торжественные встречи. Путешествие великолепное, конечно, дороже стоит, нежели скромное. Но такие демонстрации принесут ли пользу православным? Не возбудят ли зависти греческого духовенства? Не усилят ли жестокого расположения магометан против христиан?» (пит. по: Отзыв митрополита Филарета о письме преосвященного Мелитопольского Кирилла от 9 января 1861 г. Москва, 25-28 августа 1862 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб, 1886. С. 396-397.

12 мая 1859 г. митрополит Филарет писал архимандриту Антонию: «У меня теперь немало сведений с Востока, и большею частию печальные и затрудняющие. Патриарха Иерусалимского долго звали, и не могли дозваться из Константинополя в Иерусалим. Вдруг он поднялся, и объявил: иду умерить русского епископа. <...> Арабы очень хорошо приняли преосвященного Кирилла и прислали жалобу на Патриарха. Но кто может исправлять Патриархов?»[1]

Когда великокняжеская чета[2] в беседе с Патриархом Иерусалимским выразила пожелание Царствующего Дома устроить за свой счет в селении Бет-Сахур (рядом с Вифлеемом) русскую церковь и здание для причта и поклонников, Патриарх отказал, сославшись, на «строжайшее наставление от визиря не делать русским уступок»[3]. Он был готов дать согласие на строительство лишь на следующих условиях: 1) чтобы «церковь строилась по распоряжению его, Патриарха, 2) чтобы она оставалась в исключительно его иерархическом владении и 3) чтобы причт церкви был не русский, а греческий»". (Надо иметь в виду, что в силу права экстерриториальности, определенного Парижским мирным договором, России позволялось на своих владениях в Турции строить все, что она сочтет нужным (разумеется, с соблюдением формальных порядков). Однако при строительстве храмов, требовалось согласие и благословение местной церковной власти[5]).

О непростых отношениях с Блаженнейшим Кириллом свидетельствует и употребляемой епископом выражение «злоба Патриарха в отношении ко мне»[6]. Митрополит Филарет в своем отзыве от 15 мая 1859 г. об отчете епископа Мелитопольского Кирилла (Наумова) относительно этих слов преосвященного Кирилла писал: «Жестоко, а неубедительно. Патриарх ли слишком тяжело поступал, или преосвященный Кирилл слишком тяжело осуждает. Слово злоба в устах епископа о Патриархе кого более осуждает, укоряемого или укоряющего?»[7]. Позже святитель опять обращается к этому выражению Кирилла: «...здесь, как прежде в официальном отношении, он приписывает Патриарху злобу. Он находит, что с Патриархом опасно сражаться средствами кротости и смирения и зазирает средний путь, между ссорою с одной, и между средствами кротости и смирения с другой стороны. Читайте далее записку сами; не знаю, убедит ли она Вас; а меня не убеждает»[8].

Стабилизировать отношения с греками епископу Кириллу удалось выполнить лишь спустя несколько лет. Под влиянием наставлений из Москвы и Петербурга, ему удалось наладить корректные и доброжелательные отношения с Иерусалимским Патриархом и епископатом. В конце 1861 г. епископ Кирилл напишет: «Отсюда меня не легко выпустили бы, по глазу пришелся. Месяц назад прибыл сюда Блаженнейший <Патриарх Кирилл>. Теперь мы с ним меняемся любезностями. Надобно сознаться, что большего внимания, расположения и доверия нельзя было и желать»[9]. О патриаршем наместнике, митрополите Мелетии Кирилл в том же письме напишет: «Он добрейший и почтеннейший старец, которого я люблю как отца родного»[10]. А несколько позже, когда против него поднимется волна интриг и несправедливых обвинений, епископ Кирилл будет рассчитывать на заступление Патриарха Кирилла и требовать суда восточных иерархов.

О изменении отношений епископа с Патриархией свидетельствует также архимандрит Антонин:

[1] *Сет. Филарет* (Дроздов), митрополит Московский. Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры преподобному Антонию (Медведеву). М., 2007. Т. 3. С. 109-110.

[2] Великий князь Константин Николаевич с супругой великой княгиней Александрой Иосифовной и сыном Николаем первыми из дома Романовых совершили поездку в Святую Землю (28.04-9.05.1859). Их приезд имел большое значение для подъема авторитета России на Востоке. Султан (указом от 28.06.1859) преподнес в дар великому князю, в память о его приезде, общественную загородную площадь (Мейдан), на которой в течение 1860-1863 гг. были возведены Русские Постройки.

[3] Выписки и замечания митрополита Филарета на записку о положении дела создания на Востоке русских богоугодных заведений д. с. с. Мансурова. 11 мая 1859 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., Т. III. С. 409.

[4] *Ямилинец Б. Ф.* Россия и Палестина. М., 2003. С. 133.

[5] Там же. С. 136.

[6] Отзыв митрополита Филарета об отчете преосвященного Кирилла, епископа Мелитопольского, от 10 февраля 1859 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб, 1886. С. 377.

[7] Там же.

[8] *Сет. Филарет (Дроздов),* митрополит Московский. Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры преподобному Антонию (Медведеву). М., 2007. Т. 3. С. 119.

[9] Епископ Кирилл Мелитопольский в его письмах к митрополиту Макарию (Булгакову) // Русская Старина. СПб, 1890. X. С. 190.

[10] Там же.

«Преосвященный Кирилл <...> сначала показывал явное недружелюбие к Патриархии, а под конец пристал к ней до того, что в Константинополе в 1864 г. не захотел остановиться в посольстве, а поселился в Патриаршем подворье»[1].

Намного драматичнее складывались отношения епископа Кирилла (Наумова) с русскими консулами в Иерусалиме. Консул В. И. Доргобужинов, о назначении которого просил преосвященный Мелитопольский еще в первом своем донесении (январь 1858 г.), прибыв на Восток, был вовлечен - и как консул, и как одновременно агент РОПИТа - во все дела по приобретению земельных участков и устроению временных подворий, в то время, как начальник РДМ был фактически отстранен от всякого участия в этой деятельности. Таким образом, суть конфликта состояла в отстранении РДМ (и даже Св. Синода) от какого-либо участия в руководстве проектом и это при том, что при учреждении консульства в Иерусалиме предполагалась его подчиненность начальнику РДМ (см. инструкцию А. П. Бутенева от 9 августа 1858 г.). Из документов этого периода можно видеть, что основной причиной нестроений послужили разноречивые инструкции из Петербурга епископу и консулу, в которых не было прописано четкого разделения их функций и полномочий, при этом заметим, что консул одновременно находился в двойном подчинении Министерству иностранных дел и Морскому министерству во главе с великим князем Константином Николаевичем.

Партию Мраморного дворца, формировавшую общественное мнение высших кругов Петербурга, представляли люди энергичные и самоуверенные, далекие от понимания церковных дел. При этом они брались не только судить о Церкви, но и решительно вмешиваться в сферы ее деятельности. В этом отношении представляет интерес записка В. М. Жемчужникова, о котором известно, что он был ближайшим сотрудником главных основателей РОПИТ, занимался вопросами торговли и промышленности и с этою целью совершил путешествие по Сирии, Палестине и Египту[2]. Жемчужников входил в состав экспедиции (декабрь 1857 - февраль 1858 г.), возглавляемой Б. П. Мансуровым, и имел поручение изложить свои соображения в том числе и о церковных делах. Отчет о поездке он представил императрице Марии Александровне, которая конфиденциально показала ее обер-прокурору Св. Синода, а тот, сделав по просьбе императрицы свои замечания, послал их, в свою очередь, для ознакомления и редактирования московскому митрополиту[3].

В отзыве графа Толстого, выразившем церковный взгляд на русское присутствие на Востоке, среди прочего, анализируется сложное положение РДМ в условиях независимого действования от нее Палестинского Комитета без четко прописанного разделения функций. «Беда в том[4], что, от стечения обстоятельств, в иерусалимские дела вмешались различные ведомства, каждое с своею любимою целью. От сего дело, само по себе ясное, запуталось, и требующее скромности, подверглось пересуду общества, может быть, уже разнеслось в чужих краях: такая неуместная гласность, конечно, может повредить делу Миссии»[5]. И далее, имея в виду неблагополучные отношения епископа с Доргобужиновым, в еще более категоричной форме утверждается, что «кроме Святейшего Синода и Министерства иностранных дел церковные дела на Востоке не должны бы подлежать ничьему влиянию. Вмешательство в них Пароходного общества, Морского министерства[6] неправильно и крайне вредно: оно может только еще более запутать достаточно запутанные отношения»[7].

На упрек Жемчужникова в адрес Миссии, что она была отправлена прежде, чем были определены ее задачи и правила поведения, в отзыве названы причины тех проблем, которые возникли при возобновлении РДМ в Иерусалиме: «Инструкция пре-

[1] Письмо архимандрита Антонина протоиерею Платону Капустину. Иерусалим, 8 апреля 1866 г. // АРДМ. П.7. Д.116. Л. 3.

[2] См.: Замечания графа А. П. Толстого на записку В. М. Жемчужникова под названием «Православный Восток и Россия». С.-Петербург, ноябрь 1858 г. // РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 113. Л. 2-20. См. также: ОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 105-155.

[3] «Записка эта самая секретная, - сообщал граф Толстой митрополиту Филарету в сопроводительном письме, - и дошла до меня необыкновенным путем: поднесенная составителем Государыне Императрице, она вручена мне Ее Величеством собственно для прочтения мне одному. Возвращая оную, я почел обязанностию, с августейшего соизволения Императрицы, повергнуть на ее воззрение некоторые против мыслей г. Жемчужникова возражения и замечания. Все это, изложенное частью на полях самого текста, частию на отдельных листках, сообщаю теперь Вашему Высокопреосвященству» (Письмо обер-прокурора Св. Синода графа А. П. Толстого митрополиту Московскому Филарету. .С.-Петербург, ноябрь 1858г.//РГИА. Ф.832. Оп. 1. Д. 113. Л.2).

[4] В черновике зачеркнуто: «в том, что от поспешности и от вмешательства разных ведомств, произошла некоторая запутанность, и ожидаемые от Миссии действия вышли до известной степени из пределов возможности...».

[5] Замечания на записку г-на Жемчужникова (черновик). Без даты. // ОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 133.

[6] В черновике зачеркнуто: и других лиц излишне...

[7] Там же. Л. 139.

освященному Кириллу и поспешность его отправления были не без ошибок, в чем отчасти виновен и обер-прокурор, которого просмотр был следующий. Во-первых, недовольно ясно был указан в инструкции дух общения и любви, соединяющий между собою все Православные Церкви, и во-вторых, не было обращено должного внимания на канонические церковные правила, коими определяются взаимные отношения Церквей и иерархий»[1].

В то же время граф Толстой не снимает вины с самого начальника Миссии: «Можно было надеяться, что для духовных лиц не было особенной нужды подтверждать сии правила. Но по ходу дел видно, что Миссия наша не всегда довольно ясно понимает свои, впрочем, очень сложные обязанности и отношения. Если она, отступая от церковных правил будет в чужих патриархиях вмешиваться в церковные дела и действовать отдельно от Патриарших Престолов, то это может повести не к согласию, а умножению вражды между ими и паствами их, к усилению недоверия к нам восточных иерархов, и затем, к самым печальным результатам»[2], во избежание которых руководство Миссии должно следовать церковно-каноническим правилам: «Русская Миссия не может принимать прямого, самостоятельного участия в церковных делах Востока в независимости, в отдельности от греческого духовенства. Неправильно приводят нам в пример иноверных епископов, действующих в Иерусалиме совершенно независимо и самостоятельно. В том-то и состоит наше преимущество, что мы являемся на Востоке без этой, враждебной для Церкви отдельности и самостоятельности, что мы можем и должны действовать совокупно с греческою иерархиею и, следовательно, в некоторой зависимости от нее, определенной церковными законами»[3].

Основные функции РДМ в Иерусалиме, как их понимает автор замечаний, следующие: «противодействовать западным пропагандам, оказывать деятельную помощь Греческой Церкви, в дружеском союзе с духовенством облегчать нужды несчастной паствы и самого духовенства. Все это составляет пламенное желание Св. Синода, точно так, как и верховной власти, и главное назначение самой Миссии»[4].

В отчете Мансурова о результатах поездки в Палестину в начале 1859 г. подчеркивается признание в Иерусалиме русского консульства («иерусалимское консульство имеет теперь уже высокое значение»[5]), о роли же епископа Кирилла говорится, что «всем его шагам и действиям предписано огромное значение, будто бы враждебное всем элементам, борющимся в Иерусалиме»[6]. Здесь налицо противопоставление духовной миссии и консульства при явном субъективизме оценок Мансурова.

Более того, и консул, и Мансуров позволяли себе, явно превышая свои полномочия, воздействовать на Блаженнейшего Кирилла, например, в таком сугубо церковном деле, как восстановление Назаретской епархии в Иерусалимском Патриархате. «Патриарх уступил, наконец, нашим настояниям, - сообщает Мансуров, - о необходимости восстановить епархиальную кафедру в Назарете. Произведен монах, кандиот, воспитанник Афинской академии, Нифонт, рекомендованный русскими, против мнения большинства Иерусалимского Синода. Почти всем успехом по этому предмету обязаны консульскому агенту Аверино»[7]. Но то, что Мансуров считает успехом в Иерусалиме, совершенно иначе воспринимает митрополит Филарет в Москве: «Как печален такой ход дела! обещает ли он доброе впереди?»[8]. Подобное вмешательство в дела чисто церковные способствовало только огорчению и раздражению епископа Кирилла и в конечном счете сделало конфликт между ним и консулом Доргобужиновым непримиримым, о чем очень скоро стало известно в Петербурге и в Москве.

Неудовольствие Кириллом, выраженное в донесении Мансурова, подало повод митрополиту Филарету лишний раз выразить сомнение, нужно ли быть в Иерусалиме русскому епископу: «При сем рождаются вопросы: верно ли рассчитано назначение епископа в Иерусалим? Верно ли он расположил свое действование? Не напрасно ли он спешил

[1] 'Там же. Л. 137.
[2] "Там же.
[3] Там же. 139-140об.
[4] 'Там же. Л. 137об.
[5] Выписки и замечания митрополита Филарета на записку о по д. с. с. Мансурова. 11 мая 1859 г. // Собрание мнений и отзывов Ф церковно-государетвенным вопросам. С116, 1885. Т. 111. С. 409.
[6] Там же. С. 410.
[7] Там же.
[8] Там же.

;нии дела создания на Востоке русских богоугодных заведений ега, Митрополита Московского и Коломенского, но учебным и

поставить себя высоко, в блеске, тогда как надлежало быть тише воды и ниже травы, чтобы неприметно вырасти в древо сеннолиственное и многоплодное?»[1].

Взаимные отношения представителей российских ведомств в Святой Земле вызывали серьезную озабоченность духовного начальства, тем более, что трудно было на расстоянии повлиять на ход событий в Иерусалиме. «С консулом у преосвященного Мелитопольского война», - сообщал митрополит Филарет наместнику Лавры в письме от 12 мая 1859 г.[2]

Конфликт наших представителей в Святой Земле был во многом спровоцирован теми инструкциями, которые поступали из МИДа и Морского министерства. В частности, в секретных инструкциях, предназначавшихся консулу Доргобужинову, были прописаны те функции, которые ранее поручались епископу Мелитопольскому, при этом последний не был поставлен о том в известность. В таких условиях, при установке каждого на активную работу, избежать «войны» было практически невозможно. И уже к приезду в Палестину великого князя Константина Николаевича напряженность в отношениях консула и епископа была для всех очевидной.

Как сообщает в своем донесении Б. П. Мансуров, Константин Николаевич, находясь в Иерусалиме, принял меры для урегулирования конфликта: «Его Императорское Высочество, войдя на основании особого Высочайшего поручения в подробное рассмотрение недоразумений, возникших в Иерусалиме между начальником Русской Духовной Миссии и управляющим консульством, согласно с преподанными Его Высочеству от Государя Императора общими началами, изволил указать обоим означенным лицам пределы и границы их деятельности, заботливости, прав и обязанностей.

На основании этих начал Его Императорское Высочество разъяснил преосвященному Кириллу и статскому советнику Доргобужинову, что на обязанности первого остается нравственное и духовное назидание всей русской паствы, церковное представительство, производство богослужения, управление Духовною Миссиею, пастырское наблюдение за нашими поклонниками и всеми нравственными условиями их жизни, участие советами и указаниями в деле призрения наших богомольцев, передача консулу своих замечаний по сему предмету и содействие ему в улучшении быта поклонников, а к обязанностям второго - относятся все политическое, дипломатическое, гражданское и полицейское представительство и направление, все приобретения земель и домов, все хозяйственное заведование постройками, временными заведениями, приютами, госпиталями на основании инструкций, которые он будет получать из Комитета»[3].

По мнению Мансурова, такое разделение обязанностей должно было положить конец происшедшим недоразумениям и способствовать достижению «нужного единства <...> для устройства всего будущего хозяйственного управления и введения исполнительной стороны нашего богоугодного дела в совершенно нормальное состояние»[4].

Но помимо служебных причин существовали еще и личные причины взаимного неодобрения и несогласия. Так, в письме от 15 октября 1859 г. к архимандриту Антонию митрополит Филарет писал: «<...> у меня был о. Леонид <(Кавелин)>. Не говоря о записках, я спросил его, справедлив ли слух о несогласиях преосвященного и консула и от чего это? - Он полагает началом сего то, что преосвященный был обнадежен иметь в консуле подчиненного, а сей явился самостоятельным. Он показал мне письмо консула к преосвященному скромное и ответное письмо преосвященного непокойное. О домашней неправильности консула он говорит то же, что Левисон, и также говорит, что преосвященный позволяет себе небезвредную неосторожность, хотя только наружную»[5].

У московского святителя были и свои основания смотреть на сведения о деятельности преосвященного Кирилла как на «печальные и затрудняющие». «Печаль и затруднения» вызывало в первую очередь то, какими глазами смотрел сам Кирилл на взаимоотношения Русской и Восточной Церквей на протяжении их истории после падения Византии. Подробный разбор взглядов епископа Мелитопольского митрополит Филарет представил

[1] Там же.

[2] *Сет. Филарет (Дроздов), митрополит Московский.* Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры преподобному Антонию (Медведеву). М., 2007. Т. 3. С. 109-110.

[3] Донесение статс-секретаря Б. П. Мансурова. 29 июня 1859 г. // ИР НБУ. Ф. ХШ. Ед. хр. 6344. Л. 8.

[4] Там же. Л. 8об.

[5] *Сет. Филарет (Дроздов), митрополит Московский.* Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры преподобному Антонию (Медведеву). М., 2007. Т. 3. С. 119.

обер-прокурору графу А. П. Толстому в отзыве от 15 мая 1859 г.[1] Вывод был неутешительный: «Полагаю, - заключает святитель свои замечания на донесение Кирилла о Русской Церкви в ее отношениях к Церквам Востока, - что их должно было сделать; потому что человек, не имеющий удобства документально поверить то, что говорит преосвященный Кирилл, мог бы глубоко быть возмущен в совести при виде того, какие тяжкие обвинения возлагает на Православную Церковь, и в особенности на Российскую, человек, которому по званию свойственно защищать оную. Надобно было также способствовать рассмотрению, верны ли предполагаемые преосвященным Кириллом мысли, чтобы неверные мысли не увлекли в неверное направление дел»[2].

Забота о правомерности действий начальника РДМ, вызванная его скептицизмом по отношению к равноправности Российской Церкви среди Церквей-сестер, убедила митрополита Филарета в необходимости командировать на Восток кого-либо из светских чиновников Св. Синода «посмотреть, что там делается, и в особенности, каково положение и отношения преосвященного Кирилла»[3]. Эту мысль высказывал еще великий князь Константин Николаевич, по всей вероятности, в Константинополе в беседе с архимандритом Антонином (Капустиным), о чем сообщил митрополит Филарет архимандриту Антонию: «Великий князь хвалит консула и просит преосвященного Кирилла содействовать ему, а преосвященного Кирилла не хвалит и не поручает консулу содействовать ему. И это после того, как преосвященный Кирилл в письме своем выражал почти невозможность ужиться с консулом. Чего же ожидать после сего?»[4]

Впечатление великого князя от начальника миссии не могло быть особенно благоприятным уже потому, что преосвященный Кирилл не посчитал нужным, в отличии от греческого духовенства, организовать достойной встречи первым представителям Царского Дома в Иерусалиме. Митрополит Филарет, со слов отца Леонида (Кавелина), подробно описал архимандриту Антонию эту сцену: «Я спросил <отца Леонида>: правда ли, что преосвященный Кирилл встречал великого князя в Яффских воротах с крестом без облачения. Он рассказал о сем так. Великого князя встречали на последнем перед Иерусалимом отдыхе Патриарх с своим духовенством и преосвященный Кирилл один: потом они поспешили в храм Воскресения для церковной встречи. Когда они облачились, прибежал один из свиты, и сказал: великий князь не видал Миссии; он желает, чтобы Миссия встретила его у ворот города. Преосвященный расстроился и попросил у Патриарха креста. Патриарх был сим недоволен и креста не дал. Преосвященный со своими переулками побежали в свою церковь, взял крест и потом к воротам для встречи. Преосвященный думает, что это сделали г. Мансуров и консул, может быть и так. Но может быть, просто великий князь, видя, что нет церемониальной встречи у ворот города, потребовал для сего Миссию, сказав, что не видал ее. Преосвященный же сим подал к сему случай, явясь при важной встрече один, без своих»[5].

Как можно видеть из того же письма, это был не единственный случай недальновидности начальника РДМ: «Записку преосвященного Кирилла, - пишет Филарет своему лаврскому наместнику, - прочитал мне преосвященный викарий. Чудны ныне и дела, и люди. Преосвященному Кириллу дана весьма секретная инструкция, которой сколько-нибудь неосторожное употребление вредно. Он выписывает из сей инструкции статью, и дает княгине разносить по России в его оправдание, а может быть, <она>, и не доехав еще до России, сообщила его записку кому-нибудь, что еще хуже»[6].

Таким образом, к середине 1859 г. потребовалось всерьез задуматься о положении Русской Духовой Миссии в Иерусалиме, о роли ее начальника и о ее взаимодействии с другими структурами в контексте общей ситуации в Святой Земле.

Консул В. И. Доргобужинов вскоре был отозван из Иерусалима. Епископ Кирилл, которому

[1] Отзыв митрополита об отчете преосвященного Кирилла, епископа Мелитопольского от 10 февраля 1859 г. Москва, 15 мая 1859 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб. 1886. С. 377-384.

[2] Там же. С. 383.

[3] Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору Св. Синода ipaqby А. II. Толстому о палестинских делах и о финансах. 7 июня 1859 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб, 1885. Т. 111. С. 435.

[4] Там же.

[5] Свт. Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры преподобному Антонию (Медведеву). М., 2007. Т. 3. С. 119-120.

[6] Там же.

сообщили (вероятно, из окружения императрицы) о выступлении митрополита Филарета в защиту Миссии, благодарил святителя за его «незаслуженное благодеяние»: «Разумею отеческое участие и милостивое покровительство, которое Ваше Высокопреосвященство так великодушно мне оказали, мощною десницею остановив поток зла, соединенными усилиями безверия, злонамеренности, своекорыстия и легкомысленности направленного против меня и нашего дела на Востоке. Весть о милости Вашей ко мне, полученная мною из Петербурга, тронула меня до слез, ободрила дух мой и вызвала тысячи всесердечных молитвенных благословений. Сам Господь воздаст Вам, Милостивейший Владыко мой!»[1] В том же письме преосвященный Кирилл информировал митрополита Филарета о деятельности Миссии в течение двух лет ее пребывания в Иерусалиме: «Что касается до православных, поддерживаем, сколько можем, надежды их на православную Россию и ограждаем, по мере сил, безопасность их. Десяток школ, разбросанных по местам, угрожаемым более других натиском протестантства или латинства, приносит уже добрые плоды, подавая отрадные надежды в будущем. Поддержка духовенства и церквей, помощь бедным христианам, благовременная поддержка благоприятствующих православию турецких чиновников, преследуемых латинской пропагандой, деятельное участие в обезопасении участи православных в Ливане от беспокойных друзов, - привлекает к нам сердца единоверцев наших»[2].

Эта обширная работа во многом была возможна, благодаря финансовой поддержке Благотворительного Комитета императрицы Марии Александровны, неуклонно высылавшего епископу значительные суммы на благотворительные заведения. Секретарь императрицы П. А. Мориц уже в мае 1858 г. сообщал Кириллу, что «денежные приношения не оскудевают», и исправно посылал в Иерусалим «церковные одеяния и другие приношения»[3]. К лету 1858 г. общая сумма, переданная в распоряжение начальника РДМ составляла до 30703 руб. При этом Мориц сообщал, что в Петербурге «всеобщее сочувствие сопровождает дело столь богоугодное, не оскудевают и усердные приношения»[4]. И в дальнейшем, на протяжении нескольких десятилетий, несмотря на постоянные межведомственные нестроения, Комитет Марии Александровны, следуя своему первоначальному уставу, не переставал поддерживать Миссию и ее начальника, что отмечал позже архимандрит Антоний (Капустин), приступив к управлению РДМ. «Вы, без сомнения, удивитесь, о. протоиерей, - писал он брату в Москву, - когда узнаете, что вся важность начальника здешней Миссии в настоящее время держится на одном, совершенно случайном, обстоятельстве, - именно том, что в его ведение и распоряжение присылается из кабинета Е<е> В<еличества> Государыни И<мператри>цы значительная сумма денег, предназначаемая на благотворения. Прекратись сия присылка, и он тотчас сойдет в ряд смотрителей и смотрительниц разных здешних приютов, подчинившись не только консулу, но и блюстителю зданий[5].

Однако, несмотря на серьезные начинания Миссии в Святой Земле, участь самого преосвященного Мелитопольского была предрешена. В то самое время, когда он писал о своей благодарности московскому архипастырю, то есть в апреле 1860 г., в заседании Палестинского Комитета была представлена записка, в которой предлагалось изменить статус начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. «Опыт показал, - говорилось в записке, - и почти все духовенство и многие государственные мужи убедились, что назначение начальником Миссии епископа, а не архимандрита была ошибка. Со стороны духовного ведомства в этой ошибке виновен один обер-прокурор Св. Синода, который был приглашаем в Азиатский департамент Министерства иностранных дел для прочтения инструкции, после чего инструкция сия была прислана в Св. Синод уже Высочайше утвержденною, для зависящих от него распоряжений»[6]. (Заметим, что граф А. П. Толстой и не снимал с себя вины: «Инструкция преосвященному Кириллу, - писал он, - и поспешность его отправления были не без ошибок, в чем от-

[1] Письмо епископа мелитопольского Кирилла митрополиту Московскому Филарету. Иерусалим, 17 апреля 1860 г. // Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (1812-1867), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А. Н. Львовым. СПб, 1900. С. 556.

[2] Там же. С. 557.

[3] Письмо П. А. Морица епископу Кириллу (Наумову). С.-Петербург, 10 мая 1858 г. // АРДМ. П. 36. Д. 696. Л. 1.

[4] Письмо П. А. Морица епископу Кириллу (Наумову). С.-Петербург, 12 июня 1858 г. // АРДМ. П. 22. Д. 387. Л. 1.

[5] Письмо архимандрита Антонина (Капустина) протоиерею Платону Капустину. Иерусалим, 8 апреля 1866 г. // АРДМ. П.7. Д.116.Л.5об.-6.

[6] Записка, представленная в Палестинский Комитет. С.-Петербург, апрель 1860 г. // ОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 30.

части виновен и обер-прокурор, которого просмотр был следующий: во-первых, недовольно ясно был указан в инструкции дух общения и любви, соединяющий между собою все Православные Церкви, и во-вторых не было обращено должного вниманию на канонические церковные правила, коими определяются взаимные отношения Церквей и епархий»[1]).

И хотя поводом к пересмотру прежней точки зрения послужили нестроения между епископом Кириллом и консулом Доргобужиновым, члены Комитета, как утверждается в записке, «приписывали сии недоразумения не одной неопытности епископа или его излишней впечатлительности, но преимущественно неправильному положению русского епископа в Иерусалимском Патриархате». Таким образом, спустя два года после того как Неклюдов предупреждал о необходимости иметь в Иерусалиме архимандрита и после неоднократных упоминаний об этом же предмете митрополита Филарета в его отзывах по делам РДМ, члены Палестинского Комитета признали, «что единственно верное и коренное средство отвратить на будущее время недоразумения между нашею духовною и гражданскою властью в Иерусалиме состоит в том, чтобы начальником Миссии по-прежнему назначить архимандрита вместо епископа. Такое мнение было согласно с мыслью, вынесенною из Иерусалима августейшим поклонником великим князем генерал-адмиралом <Константином Николаевичем?»»[2].

Признав ошибку в излишнем повышении статуса Миссии при ее учреждении, Комитет назвал и ее причину, а именно, что в деле, столь важном и в церковном отношении, не сочли нужным вовремя обратиться к Св. Синоду, так как «дело сие было решено и инструкция Иерусалимской Миссии составлена без сношения с Митрополитами Московским и С.-Петербургским»[3]. Поэтому теперь, приняв решение о замене епископа обратно архимандритом, Палестинский Комитет посчитал необходимым отнестись к Св. Синоду и «испросить предварительно по этим предметам мнения митрополитов, если не всех, то для сокращения времени Московского и С.-Петербургского»[4].

Тем не менее, несмотря на общее убеждение в том, что во главе РДМ в Иерусалиме лучше бы иметь архимандрита, а не епископа, епископ Кирилла еще три года (до указа от 28 июня 1863 г.), продолжал руководить Миссией. За это время сменилось уже два русских консула - в начале 1860 г. был отозван В. И. Доргобужинов (который вернулся к своей прежней деятельности в Морском министерстве), приехал и скоропостижно умер консул Константин Александрович Соколов (1860-1861), после которого был назначен консул А. Н. Карцов.

На протяжении всех этих лет ускоренными темпами возводились Русские Постройки, и уже в начале 1863 г.[5], в виду скорого их окончания, встал вопрос о том, какой статус будут иметь эти «богоугодные заведения в Палестине» и кому поручить их управление. В рескрипте, поданном от имени великого князя Константина Николаевича митрополиту С.-Петербургскому Исидору (Никольскому) комплекс сооружений был назван Иерусалимской Свято-Троицкой Лаврой и ставился вопрос о учреждении для нее особой должности настоятеля в сане архимандрита[6], который до тех пор, «пока во главе иерусалимской миссии стоит епископ, находился бы к нему в отношении духовного иерархического подчинения, с сохранением при том прямых отношений к Святейшему Синоду; если со временем во главе духовной миссии будет не епископ, а архимандрит, то присутствие в Иерусалиме двух таких русских духовных сановников не представит никаких затруднений, ибо каждый из них будет иметь свой определенный круг действий»[7].

В рескрипте на имя обер-прокурора А. П. Ахматова великий князь Константин Николаевич высказал «необходимость устранить те затруднения, которые происходят собственно от слишком высокого иерархического сана начальника иерусалимской миссии», и пожелание, чтобы преосвященный мелитопольский получил другое назначение, а духов-

[1] Замечания |рафа А. 11. Толстого на записку В. М. Жемчужниковапод названием «Православный Восток и Россия». С.-Петербург, ноябрь 1858 г. // ОР **РГБ. Ф**. 188. Картон 11. Ед. хр. 5. Л. 137.

[2] Записка, представленная в Палестинский Комитет. С.-Петербург, апрель 1860г.//ОР РГБ. Ф. 188. Картон 11. Ед.хр. 5. Л. ЗОоб.-31 об.

[3] Там же. Л. 30.

[4] Там же. Л. 33.

[5] Указ Св. Синода на имя митрополита Филарета, которым предписывалось ему дать свои заключения, датируется 13 марта 1863 г.

[6] Собрание мнений и отзывов Филарета, **митрополита** Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб, 1888. С. 397.

[7] Там же.

ная миссия поставлена была под начальство благочестивого и способного архимандрита»[1].

Министерство иностранных дел, по поводу отозвания епископа Кирилла из Иерусалима отозвалось, что оно, со своей стороны, «с точки зрения политической, не считает необходимым, чтобы во главе иерусалимской миссии нашей был непременно епископ и не предвидит неудобства от поручения управления миссиею лицу в сане архимандрита; но в виду того, что в настоящее время возбуждено много важных вопросов, в которых преосвященный Кирилл принимал деятельное участие (в первую очередь речь шла о ремонте купола храма Гроба Господня совместными усилиями России и Франции), полагает, что удаление его в настоящее время было бы неудобно»[2].

Митрополит Филарет в отзыве, затребованном от него в Св. Синоде, высказал мнение, что, по церковным канонам «Святейший Синод не имеет права основать в Иерусалиме Лавру», но если бы Лавра была устроена, то и Восточные Патриархи - Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский - «по праву взаимности, могли бы потребовать, чтобы в Москве или в Петербурге учреждены были от них три лавры, что повело бы к важным затруднениям и неустройствам в церковном управлении»[2]. Митрополит предложил назвать выстроенные богоугодные заведения Русской или Свято-Троицкой странноприимной обителью, а ее управление поручить начальнику РДМ, который «может быть епископом или архимандритом».

Однако присутствие епископа Кирилла в Иерусалиме не устраивало партию его противников. 19 мая 1863 г. консул Карцов направляет в Азиатский департамент донос о предосудительном образе жизни преосвященного Кирилла, который оканчивает следующими словами: «В заключение считаю долгом присовокупить, что если Министерство благоволит принять настоящее мое донесение во внимание и сделать распоряжение об отозвании из Иерусалима епископа Кирилла, то я считал бы более полезным для единства наших действий и русских интересов в Палестине новым начальником Духовной Миссии назначить не епископа, а архимандрита, известного не одними только умственными способностями, но и добрым, честным поведением и строгою примерною жизнию; на это необходимо обратить особое внимание при выборе главы для Духовной Миссии, которая местом пребывания своего имеет город Иерусалим»[3]. Не касаясь здесь «примерной жизни» самого Карцова, заметим, что вскоре именно она послужила главной причиной конфликта с ним преемника епископа Кирилла по управлению миссией архимандрита Леонида (Кавелина).

Записка Карцова была доложена Александру II, который изволил написать на ней: «Крайне грустно, если все это правда. Но и слухов сих было бы достаточно, чтобы не оставить его на месте»[4].

Ознакомившись с донесением консула и резолюцией императора, Св. Синод определением от 19-21 июня 1863 г. постановил: «1) епископа Кирилла от занимаемой им должности начальника духовной миссии нашей в Иерусалиме уволить; 2) за неимением в настоящее время вакантной епархиальной кафедры назначить преосвященного Кирилла, до времени, в распоряжение архиепископа Казанского Афанасия, предоставив ему, пр. Кириллу, иметь помещение в находящемся в заведовании викария Казанской епархии Казанском Спасо-Преображенском второклассном монастыре с управлением оным <...> 3) за тем избрать в звание начальника иерусалимской духовной миссии лицо в сане архимандрита»[5].

Таким образом, мнение светских лиц, высказанное великим князем Константином Николаевичем и поддержанное консулом и членами Палестинского Комитета, легло в основу определения Св. Синода, хотя к тому времени ни МИД, ни митрополит Московский уже не видели препятствия в том, что во главе РДМ находится лицо в епископском сане. Не возражал против этого и иерусалимский епископат во главе с Патриархом Кириллом. Правда, Патриарха опять «забыли» уведомить о смене начальника Миссии. Секретарь российского посольства в Константинополе Е. П. Новиков[6], имевший конфиденциальную беседу с Кириллом Иерусалимским, в своем отношении к российскому посланнику в Кон-

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 102.
[4] Донесение консула в Иерусалиме А. Н. Карцова в Азиатский департамент. Иерусалим, 19 мая 1863 // ИР НБУ. Ф. 175. Ед. хр. 2338. Л. 4об.
[5] Там же.
[6] Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб, 1888. С. 406-407.

стантинополе графу Н. П. Игнатьеву от 27 августа 1863 г. писал: «Патриарх выразил сожаление, что такая важная перемена в управлении Иерусалимскою нашею Миссиею последовала без предварительного дружеского с ним сношения <...> и что ему неизвестны причины такого распоряжения, хотя он и подозревает, что побудительный к оному поводом послужили какие-нибудь личные жалобы на нашего епископа, но с чьей стороны, он не знает. Его Блаженство намекнул при этом, что так как назначение начальника нашей Духовной Миссии в Иерусалим последовало не от Святейшего Синода, а от министерства иностранных дел, то и для отозвания его, как факта, относящегося к нашей дипломатической деятельности, потребно распоряжение императорского министерства»[1].

В ответ Новиков уверил его, что «императорское министерство, проникнутое уважением как к духовному сану Патриарха Иерусалимского, так и в особенности к личности Блаженнейшего Кирилла, а также ценя всю важность доверчивых отношений между ним и начальником Духовной Миссии, конечно, выберет для этого поста духовное лицо, которое представляло бы все ручательства тесного сближения с Его Блаженством, и не оставит предупредить Его о предназначаемом преемнике епископу Кириллу»[2]. Вместе с тем Новиков в донесении к графу Игнатьеву выражал надежду, что «может быть Министерству угодно будет предписать мне поставить его (Патриарха) в известность о намерениях наших относительно Духовной нашей Миссии для сохранения полного единства действий с Его Блаженством при настоящем положении вопроса о куполе»[3]. В другом донесении Новиков сообщал, что «члены Иерусалимского Синода, свидетельствуя о ревности и заслугах епископа Мелитопольского, ходатайствуют об оставлении преосвященного Кирилла во главе Духовной Миссии нашей во Святом Граде», и что Патриарх Кирилл говорил «о намерении своем ходатайствовать письменно пред Св. Синодом в пользу епископа Кирилла»[4].

Действительно, члены Иерусалимского Синода составили две петиции (одну - на имя министра иностранных дел князя А. М. Горчакова, вторую - в адрес Св. Синода), в которых ходатайствовали об оставлении епископа Кирилла в Иерусалиме. В первом послании, в отличие от донесения консула Карцова превозносившем достоинства епископа Кирилла, греческие иерархи писали: «Ваше Сиятельство! Россия не могла сделать лучшего выбора, послав Его Преосвященство в Палестину; муж сей, одаренный обширным умом, отличается также многими евангельскими добродетелями, чем достойно заслужил здесь всеобщую любовь со всеми, обращением и добродетельным и благочестивым поведением Его Преосвященство приобрел отечеству и Церкви, которым принадлежит, великую честь и уважение. О том же пишем мы сегодня и Святейшему Правительствующему Синоду, выражая наше сердечное сожаление о вызове Его Преосвященства. С этою целию обращаемся мы с отеческим прошением к Вашему Превосходительству и с братским предстательством к Святейшему Синоду, ходатайствуя об отмене, если возможно, посланного приказания»[5].

Во втором, аналогичном по содержанию, послании члены Иерусалимского Синода обращали свой голос к Всероссийскому Синоду: «Мы глубоко сожалеем, узнав, что Ваша братская любовь отозвала недавно пребывающего здесь возлюбленного о Христе брата и сослужителя нашего, преосвященного епископа Мелитопольского Кирилла. Мы не знаем причин, побудивших Вашу Святую любовь к такому решению, но мы ясно видим, что в лице Его Преосвященства Российская Церковь и Священное Духовенство оной немало приобрели в Палестине пользы в православном отношении. Муж сей кроток и смирен, благопристоен в своих действиях и вежлив в обращении, чем заслужил любовь и уважение не только нижеподписавшихся, но и самого местного начальства и вообще всего общества, как архиерей же, он поддерживал и поныне поддерживает достоинство Русской Церкви.

Если Ваша братская любовь, приняв в соображе-

[1] Новиков Евгений Петрович (1823-1903), дипломат, писатель, член Государственного Совета. С 1850 г. сотрудник Азиатского департамента МИД, в 1859 г. назначен секретарем посольства в Константинополе, с 7 ноября 1862 по 22 июля 1864 г. был и. д. поверенного в делах в Константинополе, в 1865 г. назначен посланником в Афинах, с 1870 г. посол России в Вене, в 1880 г. посол в Константинополе.

[2] Донесение и. д. поверенного в делах в Константинополе Новикова графу Н. П. Игнатьеву. Буюкдере, 27 августа 1863 г. // ИР НБУ. Ф. 175, ед. хр. 2338 (Переписка об отозвании епископа Кирилла с должности начальника РДМ в Иерусалиме), л. 10-10об.

[3] Там же. Л. 11 об.

[4] Там же.

[5] Донесение и. д. поверенного в делах в Константинополе Е. П. Новикова графу Н. П. Игнатьеву. Без даты//Там же. Л. 12-12об.

ние и взвесив все вышесказанное, сознали бы благосклонно чувства преданности здешнего народа к России (чему немало способствовал Его Преосвященство), то поступила бы чрезвычайно благоразумно, отменив приказания о вызове Его Преосвященства»[1]. Оба послания оканчивались одинаково - святогробские архиереи писали, что оставлением епископа Кирилла на посту начальника РДМ им «не только бы оказали чрезвычайную милость, но и в будущем предупредили бы неудобства, могущие произойти от назначения лица, поведение которого могло бы не быть удовлетворительно»[2].

Вряд ли бы Всероссийский Синод был удовлетворен подобной «защитой», загодя ставящей под сомнение достоинство будущих кандидатов на место Кирилла, а заодно и авторитет братской Церкви. Предусмотрительный Новиков посчитал за лучшее не дать воззваниям хода, объяснив Патриарху, что ходатайство Иерусалимского Синода может быть воспринято как «превышение присвоенной ему власти, во-первых, потому, что Св. Всероссийский Синод, по чину, занимаемому им в Православной Церкви, равновластен Восточным Патриархам и прочим главам самостоятельных Православных Церквей, в следствие чего Собор иерусалимских архиереев, как занимающий низшее место, не может сноситься с ним непосредственно, мимо своего Патриарха и на правах равенства; во-вторых, потому что просьба Иерусалимского Синода касается меры внутреннего управления нашей Церкви, не подлежащей ни в каком случае вмешательству иностранных иерархов»[3].

Помимо греческих иерархов, с просьбой об оставлении епископа Мелитопольского в Святой Земле обратились к князю Горчакову и светские власти Иерусалима. Так, иерусалимский кадий дал самый лестный отзыв деятельности Кирилла, прося «оставить Его Высокопреосвященство в этом крае», по той причине, что он «приобрел совершенное знакомство с обстоятельствами и делами края»[4].С сочувствием писала о начальнике РДМ и парижская газета Le Monde, вполне верно трактуя причины отозвания Кирилла, хотя и демонстрируя свою неинформированность: «Бедный русский епископ, водворенный в Иерусалиме тому четыре или пять лет с таким торжеством и шумом, ныне исполняет там весьма плачевную роль. Влиятельнейшие соотечественники этого иерарха ведут против него глухую войну. Уверяют, что его противники успели совершенно повредить ему в С.-Петербурге, поговаривают даже об окончательном отозвании этого несчастного епископа. Для ослабления дурного впечатления, которое произведет его отзыв, преосвященный Кирилл намерен в скором времени оставить Иерусалим под предлогом путешествия для поправления своего здоровья и распространения веры в Бейруте и Дамаске, но в сущности, чтобы возвратиться тихомолком в Петербург и защитить свое дело перед императрицею, которая покровительствует ему. В Иерусалиме уже называют его преемника в лице архимандрита, пребывавшего здесь перед Крымскою войною[5] (заметим мимоходом, что после этой войны Россия сделалась могущественнее, чем когда-либо в Иерусалиме). Со дня водворения здесь русского епископа происходит более или менее открытая, но постоянная борьба между ним и разными консулами его народа, сменявшимися в Палестине, и не взирая на свою ловкость и изворотливость, на поддержку, оказываемую ему людьми высокопоставленными при Дворе, преосвященный Кирилл изнемогает.

Бедный епископ, конечно, позабыл, что он не больше, как должностное лицо, подверженное смещению, и что для удержания сделанного ему положения в Иерусалиме нужно было уметь быть гибким. Говорят, будто бы заступ русского архитектора способствовал столько же, как и консульское перо, к ниспровержению православного иерарха»[6].

Указ о своем перемещении в один из монастырей Казанской епархии епископ Кирилл воспринял как незаслуженную ссылку. Он писал, что Св. Синод над ним «совершил какой-то странный суд, не подходящий ни под какие законы, ни божеские, ни человеческие, ни церковные, ни гражданские»[7], и просил позволения остаться на Востоке хотя бы на время, чтобы поправить расстроенное здоровье и продолжить ученые труды.

[1] Послание Иерусалимского Синода к вице-канцлеру князю А. М. Горчакову. Иерусалим, 13 августа 1863 г. // Там же. Л. 13.
[2] Послание Иерусалимского Синода в Св. Всероссийский Синод. Иерусалим, 15 августа 1863 г. // Там же. Л. 14-Ноб.
[3] Там же. Л. 13,14об.
[4] Там же.
[5] Послание иерусалимского кадия Ссйида Мухаммеда Эль-Хюссйни, бен Зсйн-эль Абидина министру иностранных дел князю А. М. Горчакову // Там же. Л. 20-20об.
[6] Имеется в виду архимандрит Порфирий (Успенский), начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1847-1854 гг.
[7] Выписка из газеты «Lc Monde» (№257) от 6 сентября 1863 г. // ИР НБУ. ф". 175. Ед. хр. 2338. Л. 9-9об.

Нежелание преосвященного Мелитопольского возвращаться в Россию митрополит Московский назвал «печальным явлением в иерархии» и рекомендовал Синоду напомнить ему о церковном послушании в следующих словах: «Если Ваше перемещение Вам неприятно: это такой случай, который встречается во всяком роде службы и принимается с послушанием, а тем более в духовной службе. В перемещении Вашем нет оскорбительного. В качестве епископа уездного города Мелитополя, Вы равняетесь викариям, и назначены на место, которое занимал викарий, и притом, как Вы сами замечаете, в ожидании открытия епархиальной кафедры»[1]. Здесь же приводился аргумент о решении понизить ранг начальника РДМ: «Продолжение же Вашего пребывания в Иерусалиме неудобно и с той стороны, что положено не иметь там епископа»[2]. В проекте отношения, предложенном митрополитом Филаретом, шла речь и о том, чтобы епископу Мелитопольскому предоставили возможность по состоянию здоровья пребывать в Крыму или Одессе. Однако св. Синод, в заседании 16 марта 1864 г. постановил: «внушить епископу Кириллу Мелитопольскому, чтобы он немедленно следовал к месту назначения, с соизволения Его Императорского Величества, Синодом указанного»[3]. Менее, чем через два года, в феврале 1866 г. епископ Кирилл скончался в Казани на месте нового назначения.

Такова очень неоднозначная ситуация вокруг возобновленной после Крымской войны Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, обозначившая целый комплекс проблем, связанных с деятельностью в Святой Земле нескольких российских представительств. Епископу Кириллу (Наумову) досталась ответственная роль главы русского церковного, а на первых порах и дипломатического представительства в Святой Земле в то время, когда там на протяжении многих лет энергично действовали европейские миссии. Ему пришлось отстаивать и упрочивать самостоятельную позицию Духовной Миссии, которая хотя и действовала согласно инструкциям МИД, но выполняла главным образом церковные задачи. Свою деятельность РДМ осуществляла в условиях жесткой конкуренции с представителями светских ведомств - министерства иностранных дел и Морского министерства. Это давало возможность членам Миссии испытать, пусть не всегда удачно, собственные силы и возможности, что послужило необходимым опытом для последующей деятельности РДМ в Святой Земле.

Епископу Кириллу удалось установить такие отношения с греческой иерархией в Святой Земле, что когда он был отозван Синодом в Россию, Иерусалимский Синод во главе с Патриархом Кириллом предприняли ряд ходатайств в пользу епископа Кирилла, с тем чтобы его оставили на прежнем посту или предложили ему более почетное место, чем настоятельство Казанским монастырем. И хотя российские дипломаты воспринимали эти ходатайства как вмешательство во внутренние дела Русской Церкви, сам факт говорит о том, что греки примирились и с присутствием российского церковного представительства и даже с саном епископа начальника РДМ и не усматривали в нем нарушение канонических прав своего Патриархата.

Кроме того, собственно церковная работа Миссии и ее начальника была столь важной, что в 1863 г., когда Палестинский Комитет настаивал на отозвании епископа Кирилла из Иерусалима, Министерство иностранных дел заявило, что «в виду того, что в настоящее время возбуждено много важных вопросов, в которых преосвященный Кирилл принимал деятельное участие, полагает, что удаление его в настоящее время было бы неудобно»[5].

Речь шла не только о ремонте купола храма Гроба Господня совместными усилиями России и Франции, но и о вопросах присоединения коптских и абиссинских епархий к Русской Православной Церкви, о контактах с предстоятелями Александрийской и Антиохийской Церквей, о деле Синаитского монастыря и многих других.

Отозвание епископа Кирилла и понижение статуса Миссии с назначением на его место архимандрита было, безусловно, шагом назад. В то время, когда в Иерусалиме с 1841 г. пребывал англиканский епископ, а с 1847 г. и латинский Патриарх, российское правительство отзывало своего епископа, которого с энтузиазмом и надеждой послало на

[1] Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 5. Ч. 1. М, 1887. С. 461.

[2] Там же. С.461.

[3] Там же. С. 462.

[4] Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на востоке. СПб, 1888. С. 419.

[5] Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб, 1888. С. 397.

Восток и об оставлении которого ходатайствовали иерусалимские светские и церковные власти.

Епископ Кирилл оказался жертвой предпринимательской активности партии Мраморного дворца и межведомственной конкуренции. Но и последующие начальники РДМ продолжали находиться в конфронтации с иерусалимскими консулами.

Интересы коммерческих структур и российского консула в Иерусалиме фактически не оставляли свободы синодальному ведомству. Через три года новый начальник РДМ, архимандрит Антонин (Капустин), будет указывать «на необходимость усилить значение начальника Миссии пред лицем <Иерусалимской> Патриархии и консульства»[1]. «Ибо епископский сан начальника Миссии, - пояснял Антонин, - <если> и давал ему еще несколько независимости (по крайней мере, внешней при совокупном служении, напр<имер>) перед Патриархиею <и> важности в глазах консула, но с отменою его не осталось ничего, чем бы мог поддержать себя начальник»[2].

Постоянно сложные отношения РДМ с консулами заставили русское священноначалие искать возможность действовать самостоятельно, по собственно церковной линии. Так, когда в 1867 г. встал вопрос о способах осуществления постоянных межцерковных связей между Русской Православной Церковью и Восточными Церквами, в проект, составленный митрополитом Филаретом, было внесено положение, что «сношения сии могут быть прямые, без посредства Министерства иностранных дел, кроме особенных случаев, в которых Св. Синод может иметь с оным совещательные сношения и пользоваться его посредством и содействием»[3]. Таким образом, за оптимальные были признаны прямые межцерковные контакты без участия дипломатического ведомства. Однако после кончины митрополита Филарета МИД не дал хода этому положению.

Все последующие годы развитие различных направлений российского присутствия в Святой Земле - церковного, дипломатического и общественного - при неотработанности механизмов их сотрудничества - будет идти параллельно, сближаясь и расходясь, сталкиваясь и отталкиваясь, претерпевая конфликты и взаимное непонимание, но изначальной целью каждого из них было укрепление авторитета России как на Ближнем Востоке, так и в мире.

© Смирнова И.Ю., 2011

[1] Письмо архимандрита Антонина протоиерею Платону Капустину. Иерусалим, 8 апреля 1866 г. Копия // АРДМ. П.7. Д.116. Л. 1.
[2] Там же. Л. 5.
[3] Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. Спб., 1888. С. 140.